

УДК 94(470):349.412.2

ББК 63.3(29=Бур)

DOI 10.31554/2222-9175-2018-31-67-76

Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова

**ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ЭКСПРОПРИАЦИЯ
ЗЕМЛИ У БУРЯТ**

Со времени вхождения бурят в состав Российской империи земельные отношения стали ключевой проблемой в диалоге бурят с государством, во взаимоотношениях с переселенцами из России. На протяжении всей истории бурят в составе Российской империи они занимались отстаиванием своей земли, своего традиционного образа жизни, сопротивляясь разнообразным земельным реформам, нередко вступая в борьбу с новоприбывшими. Однако процесс изъятия земли у бурят был необратим и к началу XX в. завершился волостной реформой, окончательно лишившей бурят земли и их прежнего статуса в сословной структуре Российской империи.

Ключевые слова: буряты, земельная реформа, переселенцы, православная церковь, законодательство.

B. Z. Nanzatov, M. M. Sodnompilova

**LAND MANAGEMENT PROJECTS OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN EAST SIBERIA: EXPROPRIATION OF LAND FROM BURYATS**

Since the incorporation of Buryats into the Russian Empire land relationships became the critical problem in a dialogue of Buryats with the Russian state and relations with the settlers from Russia. Throughout their entire history in the Russian Empire, the Buryats had been claiming their land rights, opposing various land reforms and often fighting against the newcomers. However, the process of expropriation of Buryat lands was irreversible, and by the early twentieth century, it ended with the rural municipality reform that finally stripped Buryats of land and their previous status in the social estate structure of the Russian Empire.

Keywords: Buryats, land reform, settlers, Russian Orthodox church, legislation.

Российское законодательство XVIII – начала XIX в. в отношении инородцев Сибири носило фрагментарный характер. Основные законодательные акты касались в основном вопросов организации сбора налогов и землеустройства. Планомерное заселе-

ние Сибири переселенцами из России требовало урегулирования земельных вопросов. Механизм изъятия земли у инородцев Сибири в целом и у бурят в частности был разным. Легальным решениям государства сопутствовали незаконные действия, практиковавшиеся

НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: nanzatov@eandex.ru.

СОДНОМПИЛОВА Марина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: sodnompilova@yandex.ru.

поселенцами. Исследованию этой актуальной в истории освоения Сибири проблеме посвящена данная статья.

Землеустроительные проекты Российской империи в Сибири

Основной целью колонизации русскими Сибири в XVII в. первоначально было получение ясака пушниной и серебром, поиски которого не прекращались до открытия русскими отрядами Нерчинского месторождения в 1677 г. Огромные территории Восточной Сибири, большая часть которых считалась непригодной для землепользования [I], долгое время выступали местом, куда не по своей воле направлялись государством пашенные крестьяне, ссыльные на каторгу, «гулящие» люди. Эти группы первых поселенцев осваивали прилегающие к первым острогам места под пашни и покосы. Закрепление захваченной территории было одной из существенных политических задач, которую должны были выполнить русские поселения, создав местную продовольственную базу и тем самым удешевив содержание войск и стоимость администрации в новой колонии. Победа над бурятами была достигнута при помощи не только военных отрядов, но и заселения бурятских земель пашенными крестьянами. Выбирая место для острога, царские колонизаторы в первую очередь руководствовались наличием в этом районе «пашенных мест» и «сенных покосов». Были случаи переноса острога с места на место ввиду недостаточности в выбранном для острога месте годных для земледелия участков. По представленной Курбатом Ивановым в начале 40-х гг. XVII в. «рописи пашенным местам и сенным покосам», имеющимся вокруг предполагаемого устройства у устья р. Куленги острога, можно судить, какой размер предполагалось придать поселениям пашенных крестьян и какое количество наиболее плодородных земель было экспроприировано у бурят уже в первые годы колонизации [Окунь 1936].

В процессе колонизации «Братской земли» уже в XVII в. бурятские племенные объединения, такие как икинаты, ашебагаты, крупные анклавы которых проживали по рекам Ия, Ока, обескровленные военными столкновениями с русскими казачьими отрядами, были вынуждены покинуть свои «породные земли». Кругом бурятских улусов по рекам Осе и Ие на лучших местах густо располагаются русские слободы, заимки и деревни. Нижнеокинские буряты оттесняются от своих породных владений [Окладников 2013: 219]. С освоением русскими верховьев р. Лены сдвинулись на юг к Байкалу и в долину р. Баргузин территории эхиритов [II], покинули свои земли по рекам Иркут, Китой и Белая группы хонгодоров, значительная часть булагатов и эхиритов ушли в Забайкалье, хори оставили побережье Байкала и расселились в забайкальских степях. Материалы родословных баргузинских бурят показывают, что все официально числящиеся в Баргузинской степной думе племени прибыли в долину р. Баргузин из Верхоленья и долины р. Куды после столкновений с колонистами [Балдаев 2010: 55].

Многие бежавшие в Монголию буряты возвращались обратно на свои «породные земли», но находили их уже занятыми стремительно разрастающимися русскими поселениями. Так, катастрофические для бурят последствия целого столетия военных конфликтов и миграций в XVII в. выразились в утрате обширных территорий в Предбайкалье. Сложившиеся издавна маршруты были нарушены и поэтому порядок передвижений со стадами приобрел случайный и местами хаотичный характер, формируя картину привольной кочевой жизни, которую в столь ярких красках живописали ранние наблюдатели [Залкинд 1958: 168].

Во второй половине XVIII в. интенсивность освоения бурятских территорий увеличивается и распространяется уже в Забайкалье. Целью переселения разных групп русских поселенцев, включавших пашенных крестьян, старообряд-

цев, ссыльных на каторгу и поселение было решение ряда задач – создание продовольственной базы и рабочего резерва для Нерчинских рудников, закрепление пограничной полосы и обеспечение Кяхтинской торговли [Кудрявцев 1940: 92]. Несколько переселенческих волн лишили хоринских бурят лучших, «плодоноснейших» земель по р. Ингоде. Царские власти в лице чиновника Лабы, командированного в Забайкалье в 1802 г. для устройства поселений, не посчиталась даже с тем фактом, что в этих землях буряты сами занимались хлебопашеством.

Очередной и самый масштабный этап изъятия бурятских территорий, в результате которого буряты лишались своих земель окончательно, получив наделы земли в 15 десятин на душу, связан с упразднением бурятских органов самоуправления и волостной реформой Российского государства, направленной на унификацию управления в Сибири. Начало введению волостных управ и реформы суда у бурят Забайкалья было положено «высочайше» утвержденным Временным положением об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области от 23 апреля 1901 г. Согласно положению, основные органы самоуправления бурят – степные думы, инородные управы и родовые управления подлежали упразднению. На территории бурят Забайкалья учреждались институты сословно-крестьянского управления – волостные правления, которые действовали среди крестьянского населения с 1797 г. на основе правительственного постановления «Об учреждении волостей и мест волостного и сельского управления». Введение новых форм административного и судебного управления было тесно связано с вопросами поземельного устройства населения Забайкальской области. Организация дополнительного земельного фонда предполагала формирование его за счет изъятия тех земель, которые использовались в качестве пастбищных угодий в экстенсивном кочевом хозяйстве бурят.

Перевод бурятского населения на занятие земледелием по представленным проектам позволил бы ограничиться наделением земельного участка размером в 15 десятин.

Захват бурятских земель поселенцами осуществлялся и нелегализованно, т. е. без ведома верховной власти и участия местной администрации. Царские распоряжения, указы, запрещающие поселения на территориях инородцев, в большинстве случаев игнорировались. Лишь небольшая доля жалоб, которые писали буряты (либо лично сопровождали, как хоринские буряты) непосредственно к Верховному государю Российской империи, снимали проблему земельных отношений, и то временно.

Причин регулярно возникающих проблем с землей было несколько. Прежде всего следует отметить слабую топографическую изученность сибирских территорий из-за плохого состояния межевого дела. Огромные пространства Сибири, недостоверная измеренность ее территорий формировали восприятие земли поселенцами как «ничейной», хотя верховным собственником являлось государство в лице разных ведомств. В этой связи в Сибири широко практиковались разные варианты захватной формы землепользования, «по праву сильного». Процесс захвата новых территорий осуществлялся посредством оформления и освоения «чертежей» [Шмулевич 1985: 113; Асалханов 1963: 26] и формирования заимок. По всей Сибири заимочная форма землепользования с явной тенденцией к землевладению культивировалась снизу и продолжала сохраняться в конце XIX в. [Шерстова 2005: 152]. По этой схеме жители деревень и улусов, выделившиеся по разным причинам из своих поселений, уходили на новые места и строили там заимки, вокруг которых со временем появлялись сенокосы, пастбища, пашни. В прошлом заимочную форму освоения новых территорий практиковали беглецы, которые осваивали верховья рек у водоразделов,

строили там избышки, занимаясь первоначально охотой и рыбной ловлей [Щепанская 2003: 470–471]. Отсутствие систематических учетов и измерений сельскохозяйственных угодий, а также точных сведений как о наличии обрабатываемой земли, так и о количестве урожая, привело к захватному способу землевладения [Асалханов 1963: 35].

Захватная форма землепользования обусловила свободу обращения с землей, вследствие чего значительная часть земли оказалась в руках наиболее зажиточной части населения. Такие ситуации вновь приводили к обострению земельного вопроса, обращая взоры русских крестьян на бурятские земли. Как свидетельства этих событий, происходивших в XVII–XX вв., сохранились многочисленные обращения, жалобы и воспоминания бурят. В XVII в. буряты на допросе в Иркутском остроге говорили: «Илимского уезду каменные и олонские служилые и посацкие люди и пашенные крестьяне нас бьют и увечат и с островов Иркутского острогу, на которых островах прежде сего кочевали деды и отцы наши жили, и кочевать нам по тем островам не дают и по тем островам они, каменные и олонские, илимские, сено косят, да они же де каменные и олонские, вина сидят и по нас братских мужиках ездят и продают и нас они бьют и увечат беспрестанно и нас они згнали с островов два годы» [Окунь 1936: 159].

В начале XX в. Ц. Жамцарано в беседе с Гындуном Гыцуловым, бурятом из местности Нури Хундуй, узнал несколько фактов о столкновениях местных бурят с золотопромышленниками и приставами: «Были захвачены бурятские луга и буряты не могли вернуть или взять выкуп за свои обработанные покосы. Старик был одно время ходатаем по местным земельным делам. Собирался переселиться в Иркутскую губернию. Он находил, что земли агинских бурят слишком бесплодны и безлесны. Он выходец из долины Ингоды, что была продана тайшой Дамба-Дугар Ирынцевым Лабе в 1805 г. за

орден и чин придворного советника. От бурят было отобрано по 200 тыс. десятин самой лучшей земли. Тысячи семейств были разорены и снесены. Ирынцев был первый предатель народа» [2001: 275].

Другая причина, толкавшая русских поселенцев к поиску новых земель, заключалась в варварском отношении к сибирской земле, ресурсы которой считались неистощимыми. И. Г. Георги, описывая земледелие русских крестьян в Баргузинском крае в конце XVIII в., отмечает, что, несмотря на суровый местный климат, урожаи ячменя, овса, ржи, огородных овощей, табака были хорошие. Но по прошествии 8–10 лет пахоту забрасывали и переходили на новый участок [по: Шмулевич 1985: 17]. Аналогичным образом, истощив свой надел, перемещались на новые земли крестьяне на Алтае. Подавая прошения на заселение новых мест, они указывали основную причину переселения – выпаханность земли: «24 января 1817 г. бийский земский исправник доносил в Томское губернское правительство: “Из числа живущих в селе Быстрянском разных волостей ясачных настоящими домами по-русски, Алексей Сафронов с товарищи просят о позволении им переселиться из Быстрянки на 25 верст от их селения, на устье реки Наймы, впадающей в Катунь, так как там места для хлебопашества и скотоводства выгодны, напротив того, около Быстрянки полному ныне заселению ясачных земли выпалились”» [Шерстова 2005: 143].

Как удалось выяснить А. Ремневу и Н. Суворовой, эта особенность землепользования была широко распространена во всей Сибири. Ими собран богатый материал, формировавший собирательный образ русского поселенца, которого государство направило осваивать новые земли с целью сплотить огромное политическое пространство России, добиться «слияния» ее окраин с русским государственным ядром. «Русский же переселенец, вопреки планам государства, не стремился к прочной оседлости и поэтому о земле не заботится, при ис-

тошении надела он арендует другой или уходит на другой переселенческий участок. ... Пройдет несколько лет, земля выпашется, другой земли киргизы не дают, и опять “тесно”, опять начинай сначала, опять кончай тем же, опять бреди снимать сливки “под новый куст” или на “китайский клин”...» Достаточно быстро крестьянин признавал свой надел выпашанным, «свое существование малообеспеченным», арендуемые земли не спасали от недородов и голодовок. Этот тип степного колонизатора получил в литературе наименование «кустанаец». «Кустанаец» – в высшей степени хищник, для «извлечения из почвы последних соков» он использует улучшенные орудия и машины, для него характерно постоянное стремление идти дальше за целинными землями, нежели затрачивать более интенсивный труд на обработку земли. Сказочные поверья о существовании в Сибири «небывало богатых краев» и появление народных брошюр, привлекающих крестьян переселяться за Урал, стимулировали желание искать лучшей земли. В результате очередной колонизационный рывок завершался появлением в Сибири вместо «сплошного густого русского населения» некой народной массы, блуждающей по уездам «бесцельно и безрезультатно» в поисках земель «околонизации». В публицистике появляются описания особого типа «хищника земли», «шатуна», «стяжателя», который ничего не имеет общего с «коренным пахарем». «Забайкальский крестьянин обращается со своими полями так же, как приискатель с золотоносными участками; выработалась данная площадь – он бросает ее и принимается за другую». Об улучшении и сохранении почвы – не думает. Раз пашня «устарела» – он ее бросает и идет на новую землю. Уничтожают леса и засоряют навозом реки. «Мало того, они усиливаются отягать у смежных с ними бурят участки неистощенных земель и помышляют, конечно, в праздных мечтаниях о том, что им со временем отдадут Монголию». Схожие ситуации складывались и в Акмолинской области.

Хищническое истребление леса в степи крестьянами нередко сопровождалось явлениями «на наш век хватит...» «Тенденция хищения, жажда обогащения», «стяжательства», нерасчетливая эксплуатация природных богатств объявлялись уже «всероссийским историческим грехом» [Ремнев, Суворова 2008: 181–183].

В то время как русские крестьяне искали новые земли для освоения, буряты, занимавшиеся земледелием, прилагали все силы к улучшению плодородия почв на своих пашнях, сенокосных участках. В бурятской практике земледелия широко использовалось искусственное орошение посредством устройства системы каналов и «утугование» сенокосов – внесение в почву навоза. По многочисленным наблюдениям исследователей XIX в., «буряты с большим искусством создают свои покосы, можно сказать, из ничего» (Н. Бестужев); «земля из хряща только бурятами превращается в пашни и покосы, посредством искусственных наводнений» (М. Геденштром); «летом часто останавливают внимание проезжающих превосходные пашни, далеко отстоящие от русских деревень. Это плоды рук названных бурят...» (М. Кроль). При этом далеко не всегда лучшие образцы земледелия бурят становились примером для русских, которые предпочитали уповать на бога. Об этом пишет М. Геденштром: «Жаль, что русские не перенимают от них [бурят] столь полезного обыкновения; теперь же крестьянин говорит: “Если бог не дает урожая, то хитри не хитри, все будет понапрасну”» [Асалханов 1963: 30].

Но нередко инородцы бывали сами виноваты в том, что лишались своих земель. Характерным примером можно считать практику сдачи в аренду своих территорий русскими, которые позже начинали писать жалобы начальству и требовать изъятия земель у инородцев на этом основании [Шерстова 2005: 152; Болонев 1974].

В XIX в. земли, выделенные русским переселенцам, окружали территории бурятских ведомств, местами вклинива-

ясь между ними [Нанзатов 2016]. И, как правило, зоны приграничья бурятских ведомств и русских волостей становились причиной ожесточенных споров, конфликтов между бурятами и русскими. В конечном итоге территории бурятских ведомств постепенно теряли либо изменяли свои прежние границы. По причине активного самовольного заселения территорий степных дум русскими поселенцами складывалась ситуация, при которой бурятские племена могли оказаться вне влияния своего административного центра. Вклинившись между бурятскими поселениями, русские нередко «отрезали» часть бурятских территорий с улусами от основной части бурятского ведомства, и последним иногда было удобнее войти в состав соседнего бурятского ведомства, нежели оставаться в своем прежнем. Так, расселенные по побережью Ангары буряты племен холтубай, ноёт, прежде относившиеся к идинским бурятам, были вынуждены перейти в Балаганское ведомство, потому что оказались отрезанными от своего ведомства разрастающимися русскими волостями. Так, в Аларской думе появился 3-й холтубаев род [ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 180. Л. 39; Нанзатов, Содномпилова 2013: 47, 48, 56], в Балаганской думе – ноётский род.

К утрате бурятами плодородных земель приводили и ключевые административные реформы, проводимые Российской империей в целях унификации административного управления на территории всей страны, в частности перевод бурят из сословия кочевых инородцев в сословие крестьян. Противясь этой реформе, хори-буряты, многие из которых успешно занимались земледелием, боясь утраты как своего статуса, так и территорий (как следствия изменения сословия), вынуждены были покинуть наиболее пригодные к хлебопашеству места и уйти в степи, лишь бы доказать властям, что они кочевники-скотоводы [Асалханов 1960: 80–81].

Миссионерская деятельность православной церкви и присвоение инородческих территорий

Наряду с административными землеустроительными проектами активную колонизаторскую деятельность осуществляла и православная церковь. С основанием Даурской миссии в Забайкалье православным монастырям отводились земли, на которых расселяли помимо «гулящих» людей новокрещеных бурят – ясашных. Крестившимся бурятам предоставляли, как отмечал М. Н. Богданов, «широкую свободу выбора» – «житии, где они похотят в службе или в монастырях или у всяких чинов русских», т. е. служба, монастырь, холопство, но не свобода [2014: 222]. Давая поселянам ссуду хлебом, скотом и деньгами, монастыри заставляли их обрабатывать монастырскую землю, пасти скот, ловить рыбу и выполнять множество других видов работ, способствовавших обогащению монастырей.

Естественно, что земля и люди стимулировали активную миссионерскую деятельность православной церкви, которая выработала особую практику присвоения земли в Сибири, на которой кочевали инородцы. Окрестив два-три человека в селении инородцев, миссионеры организовывали стан, ставили крест, делая тем самым землю «освященной», «православной». В последующем «... миссионеры запрещали селиться некрещеным ближе пяти верст к миссионерским станам и селениям новокрещенных» [Верещагин 1910: 3]. В этой практике православной церкви слились воедино и механизм сакрализации чужой, неосвоенной территории, и закон, запрещающий совращение православных людей в иную веру.

Согласно православной традиции, сакрализация необжитой территории начиналась с установления креста. Это действие было первоочередным и важнейшим. Об этом в первую очередь заботились подвижники, еще до сооружения

жилища. «Политическое возобладание русскими Сибирью равномерно совершалось и в христианском разуме, через сооружение часовен, церквей, монастырей и соборных храмов. Общее правило тогдашних русских: где зимовье ясачное, там и крест или впоследствии часовня» [Словцов 1838: 36]. Земли вокруг русских острогов, построенных в Сибири, освященные православным крестом, считались уже «Русью», которую поселенцы защищали от «некрещеной силы», т. е. коренного населения Сибири [Окладников 2013: 213].

Что касается закона, запрещающего соращение из православия в иное вероисповедание, то, согласно статье № 195 Уложения наказаний уголовных и исправительных от 1845 г., нарушение закона влекло ссылку в Сибирь, телесные наказания, исправительные работы до 2 лет. В Сибири же церковь столкнулась с проблемой исполнения этого сурового закона – ссылать людей дальше было некуда. В этой связи первоначально, когда церковь стремилась отделять новокрещеных от их сородичей, не принявших православную веру, исполнение закона выразилось в запрете иногородцам совершать свои языческие (шаманские) обряды вблизи поселений крещеных. Так, якутским шаманам было запрещено камлать в самом Якутском остроге и его окрестностях, «... чтоб неповадно было в городе и слободах шаманить, а по своей вере шаманить в волостях, от города в дальних местах» (1663 г.) [Токарев 1938: 102]. Примечательно в этой связи и предписание селенгинского окружного исправника о недопустимости проведения бурятами шаманских обрядов рядом с домами новокрещеных 1871 г. из архивных материалов Кударинской степной думы: «По прибытии вчера в селение Харауз я заметил, что иноходец ведомства Кударинской степной думы Заяхан Хамаганов около самых домов, принявших христианскую веру, и вблизи православной церкви проводит шаманство.

Необузданные действия иногородца Хамаганова в отправлении обрядов ис-

поведуемой веры вблизи христиан, при нарушении основного закона, могут служить соблазном для новопросвященных крещеных иногородцев, отрекшихся от шаманского вероисповедания, а потому строго обязываю думу воспретить Хамаганову и другим совершать шаманство ближе того расстояния к жилищам христиан, которое определено законом.

Причем предворяю, что при неисполнении настоящего распоряжения моего как родоначальники шаманов и члены думы, так и самые шаманы будут привлечены к ответственности» [История Кударинской... 2010: 71].

Впоследствии взгляд церкви на процесс распространения христианской религии среди бурят изменился – изоляция новокрещеных бурят от их соплеменников не давала плодов скорейшего обращения бурят в православие. Так, при упразднении Тункинской степной думы в 1889 г. предполагалось выделить Тукуринскую волость из ясачных иногородцев, но архиепископ Вениамин посчитал это решение нежелательным, так как «с отделением оседлых иногородцев в особое управление они будут лишены возможности оказывать на кочевых иногородцев влияние к обращению в православие» [Дамешек и др. 2013: 276].

Выходило так, что соблюдение данного закона в Сибири на практике оказалось трудновыполнимым. Повсюду имело место тесное взаимодействие и взаимовлияние религий. Причем даже сами православные священнослужители и шаманы принимали участие в этих процессах. Так, запрет на отправление шаманских обрядов вблизи Якутска был вызван инцидентом с русским служилым, уличенным в присутствии на камлании, причем при отягчающих обстоятельствах – в Великий пост! Соблюдя видимость благочестия в административном центре уезда и его окрестностях, воеводы ограничили запретом для шаманов камлать в окрестностях г. Якутска. В то же время в «дальних местах» контакты православных и шаманов не прекращались. Более

того, один из якутских воевод (А. А. Барнешлев) сам обвинялся в найме шаманов для «насылания порчи» на своих противников по судебно-административному разбирательству (1679 г.): «... И шаман Няча у него, Андрейки, в горнице шаманил, а в их земле шаманы бесовским призывом и волшебством людей морят и портят». Отношение самого духовенства Якутии к шаманам тоже оказывалось порой более чем терпимым. В конце XIX в. известный миссионер А. Аргентов признавал: «Одним своим визитом много пользы дает шаман больному. Надо согласиться, что смысленные шаманы полезны там, где до лучшего не доросли». Был случай, когда священник, заболев, обратился за помощью к шаману, другой же в Масленицу прошелся по г. Олекминску «с пением богородича», возложив на себя шаманский бубен в сопровождении двух шаманов в полном облачении, которые «представляли свое действие» [Николаев 2002].

В Иркутской губернии и Забайкалье шаманизм стал неотъемлемой частью общего религиозного пространства региона, особенно глубоко проникая в хозяйственно-бытовую сферу деятельности – скотоводство, охоту, лечебные практики. Русские часто обращались за помощью к шаманам, приобщались к культовой практике шаманизма. По этому поводу православное духовенство сетовало: «Взаимодействие трех разных религий и полнейшая религиозная неустойчивость новокрещенных в очень сильной степени запутали мировоззрение и обряды: ламаисты прибегают к помощи заклинаний и гаданий шаманов, православные закалывают овец и коней в жертву бурхану, покровительствующему скоту, а шаманисты ставят восковые свечи перед

образом св. Иннокентия или приносят сметану, творог и прочее в жертву святому Николаю» [Петрова 1999: 70].

Заключение

Таким образом, в Сибири, в частности в Иркутской губернии и Забайкальском крае, колонизация, сопровождавшаяся изъятием земли у бурят, осуществлялась легальными и нелегальными способами: землеустроительными проектами на государственном уровне, в рамках обрусительной политики православной церкви, самовольным захватом земли силой и обманом со стороны переселенцев. Как справедливо и с определенной долей сарказма отмечал С. Б. Окунь, «процесс земельной экспроприации, начавшийся с первого момента проникновения царизма в Бурятию, к началу XIX в. принял особенно циничные формы. Непрерывный процесс вытеснения бурят с “угожих” мест переселенцами из России в начале XIX в. завершился знаменитым “обменом” между хоринцами и царским правительством, по которому буряты лишились свыше ста тысяч десятин наиболее плодородных земель, “взамен” которых им были предоставлены голые степи, вдобавок им же и прежде принадлежавшие. Как доносил землемер, производивший обмежевание, “принятые хоринцами земли суть степи, годные единственно для скотоводства, подле тунгусских кочевьев и между хоринских стойбищ находящиеся, которые зимними жилищами хоринцы и те прежде беспрепятственно занимали”. Дальнейшее наступление на земельные угодья бурят не прекращалось вплоть до падения самодержавия» [Окунь 1936: 159].

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Примечания

I. 84,2 % земли Восточной Сибири, представленной лесистыми горами или заболоченной тайгой, считались пустопорожними [Асалханов 1963: 86].

II. Материалы родословных баргузинских бурят показывают, что все официально числя-

щияся в Баргузинской степной думе племена прибыли в долину р. Баргузин из Верхоленья и долины р. Куды после столкновений с колонистами [Балдаев 2010: 55].

Источники и литература

- Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
- Асалханов И. А.* О бурятских родах в XIX в. / И. А. Асалханов // Этнографический сборник. Вып. 1. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – С. 68–84.
- Асалханов И. А.* Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. / И. А. Асалханов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 493 с.
- Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды. Забайкальские буряты / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ, 2010.
- Богданов М. Н.* Очерки истории бурят-монгольского народа / М. Н. Богданов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. – 302 с.
- Болонев Ф. Ф.* Хозяйственные и бытовые связи семейских с местным и пришлым населением Бурятии в XIX и начале XX в. / Ф. Ф. Болонев // Этнографический сборник. Вып. 6. – Улан-Удэ, 1974. – С. 56–67.
- Верещагин В. И.* Поездка по Алтаю летом 1908 г. / В. И. Верещагин // Алтайский сборник. – 1910. – Т. X. – С. 1–46.
- Дамешек Л. М.* История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 503 с.
- Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1907 гг. / Ц. Жамцарано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 380 с.
- Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России / Е. М. Залкинд. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 318 с.
- История Кударинской степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903 гг.): сб. документов, перечень документов / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова; науч. ред. Л. В. Курас. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2010. – 248 с.
- Кудрявцев Ф. А.* История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в.: очерки. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 242 с.
- Нанзатов Б. З.* Аларская степная дума (этнический состав и расселение аларских бурят в XIX в.) / Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2013. – № 2(10). – С. 47–57.
- Нанзатов Б. З.* Забайкальские буряты в XIX веке / Б. З. Нанзатов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 290 с.
- Николаев А. П.* Православная церковь и шаманы в Якутии. XVIII–XIX вв. [Электронный ресурс] / А. П. Николаев. – Режим доступа: http://zaimka.ru/05_2002/nikolaev_shaman/ (дата обращения: 10.03.2012).
- Ремнев А.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой, или «сомнительные культуртрегеры» / А. Ремнев, Н. Суворова // АВ IMPERIO. – 2008. – № 2. – С. 157–223.
- Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) / А. П. Окладников. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. – 387 с.
- Окунь С. Б.* К истории Бурятии в XVII в. / С. Б. Окунь // Красный архив. Исторический журнал Центра архива СССР и РСФСР. – 1936. – № 3(76).
- Петрова Е. В.* Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Этносоциологический анализ / Е. В. Петрова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 129 с.
- Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 1: 1585–1742 / П. А. Словцов. – СПб.: Тип. А. Семена, 1838. – 584 с.
- Токарев С. А.* Шаманство у якутов в XVII в. / С. А. Токарев // Советская этнография. – 1938. – № 2. – С. 88–103.
- Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в Южной Сибири / Л. И. Шерстова. – Новосибирск: Изд-во Археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 310 с.
- Шмулевич М. М.* Очерки истории Западного Забайкалья. XVII – середина XIX в. / М. М. Шмулевич. – Новосибирск: Наука, 1985. – 285 с.

Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т. Б. Щепанская. – М.: Индрик, 2003. – 528 с.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB).
- Asalhanov I. A.* O buryatskih rodah v XIX v. / I. A. Asalhanov // Etnograficheskij sbornik. Vyp. 1. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1960. – S. 68–84.
- Asalhanov I. A.* Social'no-ekonomicheskoe razvitie Yugo-Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX v. / I. A. Asalhanov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1963. – 493 s.
- Baldaev S. P.* Rodoslovnnye predaniya i legendy. Zabajkal'skie buryaty / C. P. Baldaev. – Ulan-Ude, 2010.
- Bogdanov M. N.* Oчерки istorii buryat-mongol'skogo naroda / M. N. Bogdanov. – Ulan-Ude: Izd-vo BГУ, 2014. – 302 s.
- Bolonev F. F.* Hozyajstvennye i bytovye svyazi semejskih s mestnym i prishlym naseleniem Buryatii v XIX i nachale XX v. / F. F. Bolonev // Etnograficheskij sbornik. Vyp. 6. – Ulan-Ude, 1974. – S. 56–67.
- Vereshchagin V. I.* Poezdka po Altayu letom 1908 g. / V. I. Vereshchagin // Altajskij sbornik. – 1910. – Т. X. – S. 1–46.
- Dameshek L. M.* Istoriya organov mestnogo samoupravleniya buryat v XIX – nachale XX v. / L. M. Dameshek, B. C. Zhalsanova, L. V. Kuras. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013. – 503 s.
- Zhamcarano C.* Putevye dnevniki 1903–1907 gg. / C. Zhamcarano. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2001. – 380 s.
- Zalkind E. M.* Prisoedinenie Buryatii k Rossii / E. M. Zalkind. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1958. – 318 s.
- Istoriya Kudarinskoj stepnoj dумы v dokumentah Nacional'nogo arhiva Respubliki Buryatiya (1825–1903 gg.): sb. dokumentov, perechen' dokumentov / avt.-sost. B. C. Zhalsanova; nauch. red. L. V. Kuras. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2010. – 248 s.
- Kudryavcev F. A.* Istoriya buryat-mongol'skogo naroda ot XVII v. do 60-h godov XIX v.: oчерki. – М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. – 242 s.
- Nanzatov B. Z.* Alarskaya stepnaya дума (etnicheskij sostav i rasselenie alarskih buryat v XIX v.) / B. Z. Nanzatov, M. M. Sodnompilova // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2013. – № 2(10). – S. 47–57.
- Nanzatov B. Z.* Zabajkal'skie buryaty v XIX veke / B. Z. Nanzatov. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2016. – 290 s.
- Nikolaev A. P.* Pravoslavnaya cerkov' i shamany v Yakutii. XVIII–XIX vv. [Elektronnyj resurs] / A. P. Nikolaev. – Rezhim dostupa: http://zaimka.ru/05_2002/nikolaev_shaman/ (data obrashcheniya: 10.03.2012).
- Remnev A.* “Russkoe delo” na aziatskih okrainah: “russkost” pod ugroznoj, ili “somnitel'nye kul'turtregery” / A. Remnev, N. Suvorova // AB IMPERIO. – 2008. – № 2. – С. 157–223.
- Okladnikov A. P.* Oчерки iz istorii zapadnyh buryat-mongolov (XVII–XVIII vv.) / A. P. Okladnikov. – Ulan-Ude: Izd-vo BГУ, 2013. – 387 s.
- Okun' S. B.* K istorii Buryatii v XVII v. / C. B. Okun' // Krasnyj arhiv. Istoricheskij zhurnal Centrарhiva SSSR i RSFSR. – 1936. – № 3(76).
- Petrova E. V.* Sociokul'turnaya adaptaciya semejskih Zabajkal'ya. Etnosociologicheskij analiz / E. V. Petrova. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1999. – 129 s.
- Slovcov P. A.* Istoricheskoe obozrenie Sibiri. Kn. 1: 1585–1742 / P. A. Slovcov. – SPb.: Tip. A. Semena, 1838. – 584 s.
- Tokarev S. A.* Shamanstvo u yakutov v XVII v. / S. A. Tokarev // Sovetskaya etnografiya. – 1938. – № 2. – S. 88–103.
- Sherstova L. I.* Tyurki i russkie v Yuzhnoj Sibiri / L. I. Sherstova. – Novosibirsk: Izd-vo Arheologii i etnografii SO RAN, 2005. – 310 s.
- Shmulevich M. M.* Oчерки istorii Zapadnogo Zabajkal'ya. XVII – seredina XIX v. / M. M. Shmulevich. – Novosibirsk: Nauka, 1985. – 285 s.
- Shchepanskaya T. B.* Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv. / T. B. Shchepanskaya. – М.: Indrik, 2003. – 528 s.